

Шамиров Виктор

Живет в... - 2000. - 13 апр. - с. 10

Чудо, которого не было

Театральный успех имеет разную цену

Пьеса Евгения Гришковца «Зима», режиссер Виктор Шамиров, в ролях Валерий Гаркалин, Андрей Панин, Людмила Артемьева, — рядовой зритель покупает билет, чтобы посмотреть на Гаркалина, но третьего театра Гришковец заинтересует больше.

Алексей ФИЛИППОВ

Такого театра, впрочем, еще надо поискать — Гришковец, сам себе драматург, режиссер и артист, показывает свои моноспектакли в крошечных залах, где собирается одна и та же публика. На сцене Гришковец, в зале человек пятьдесят — если их будет больше, пропадет все обаяние зрелища. Зрителей мало, зато тексты очаровательны — та же «Зима» не зря получила «Антибукера», и на последнем фестивале автору совершенно справедливо дали две «Золотые маски». Их востребовал и репертуарный («Записки русского путешественника» у Райхельгауза), и коммерческий («Зима» вышла в проносерском центре «Аметист») театр. Но то, что написал Гришковец, стало здесь жить по совсем другим законам.

Его пьесы оказались реакцией и на опустыленную театральную фальшь, и на общую девальвацию слова: из речевого сора, из мусора и шелухи неяршливого, необязательного, случайного быта у Гришковца рождается маленькое откровение. Ностальгия? Да, отчасти: в «Как я съел собаку» герой рассказывает о своем советском детстве и о срочной службе на советском флоте — подъем в шесть утра, бег в тяжелых ботинках и трусах к морю, «пересык» строем в триста человек по команде с невысокого обрыва. На самом деле ностальгия здесь на десятом месте: суть и соль пьес Гришковца в том, что автору удается поймать мгновение, передать чисто физическое ощущение того, что составляет первооснову бытия. Страх ребенка, ощутившего, что когда-нибудь умрут бабушка, мама и папа, а потом не станет и его.

Невозможность объяснить другим то, что тебе самому абсолютно ясно. Удивление, испуг, стыд, чувство сопричастности миру и отторжения от него. Желание съежиться, свернуться в клубочек, уменьшиться до размеров зародыша, забиться в самую дальнюю щель — и все же жить: но только так, чтобы до тебя никому не было дела... Гришковец пишет о том, что чувствовал каждый человек, и рассказывает это так, что каждый из зрителей узнает в нем себя. Секрет волшебства прост: в том, что делает Гришковец, нет ни капли театральности — он не играет, а живет перед зрителями, не стесняясь своей несовершенной дикции, не закрываясь актерскими приспособлениями, не пытаясь понравиться и рассмешить. Но то, что хорошо для зала в пятьдесят человек, невозможно, когда продано восемьсот пятьдесят билетов, — и Виктор Шамиров превратил «Зиму» в настоящий спектакль, зрелищный и театральный, профессионально сыгранный хорошими московскими артистами.

И произошло то, что должно было произойти: волшебство улетело, осталась комедия, и там, где надо было плакать,

Сергей Женовач — профессионал, предпочитающий работать со студентами

зрители смеются — ведь текст Гришковца и в самом деле очень хорош.

Лес, мороз, два окоченевших до последней степени солдата. Когда будет надо, они дернут рубильник и взорвут что-то, виднеющееся на находящемся за зрительскими спинами горизонте, — но дожить до этого большой надежды нет. Не гнутся пальцы, леденеют глаза, отказывает на морозе голос: но зрителям не страшно, ведь все происходящее очень похоже на детскую сказку. К солдатам придет Снегурочка, и вместе с ней они вернутся в прошлое: наступил день рождения, но долгожданного велосипеда среди подарков не оказалось, а Дед Мороз так и не принес его на Новый год. Потом Снегурочка окажется подругой, с которой один из них выяснит отношения, затем они вспомнят вкус табачного дыма, «Тараса Бульбу», детские сны... А потом солдаты дергают свой рубильник и под взрывы детских хлопучек упрыгивают вслед за Снегурочкой навстречу Деду Морозу, которого немного боятся, — так у Евгения Гришковца к ним приходит смерть.

Режиссер разобрал пьесу по косточкам и превратил ее в театральное действо: эффектные мизансцены, радующие зал актерские гэги: Валерий Гаркалин прочно закрыт броней своих актерских умений, Андрей Панин тоже очень старается. В результате получилось смешно, но простодушно, наивное очарование оригинала из спектакля испарилось. Для того чтобы вышло иначе, его создателям надо было просто прожить то, что предложил драматург, вспомнив при этом самих себя, свои детские страхи и первые свидания, свой собственный велосипед, — и это обрадовалось бы далеко не каждого из сидящих в зале восьмисот пятидесяти человек. Сейчас они получили крепкую, хоть и немного странную комедию — пьесы Гришковца пошли в народ, а за популярность надо платить.

13 апр. 2000

89